

Н О В А Р И Я

ЛАЙОН
СПРЭГ

ДЕ КАМП

КОРОНА
КСИЛАРА

Лайон Спрэг де Камп

Корона Ксилара

Серия «Новария», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126740

Корона Ксилара:

ISBN 9785005803016

Аннотация

Бывший король Джориан Ксиларский и доктор Карадур бегут из охваченного восстанием Ираза в летучей ванне.

Их путь лежит в Ксилар – именно там томится любимая жена Джориана, похищенная его бывшими подданными, и могучий воин не оставляет надежды ее спасти.

Из-за неуклюжего демона Джориан и Карадур оказываются в городе-государстве Оттомань и теперь им предстоит найти дорогу в Ксилар. Одно известно наверняка – она точно будет полна приключений.

Содержание

1	4
2	30
3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Лайон Спрэг де Камп

Корона Ксилара

1

Ксиларский дворец

Над снеговыми пиками Лограмских гор парила большая медная ванна, и в ее полированных боках отражался красный отсвет заката. Она огибала самые высокие вершины, а над теми, что пониже, пролетала, едва не задевая дном за острые скалы.

– Горакс! – воскликнул один из двух пассажиров летающей ванны. – Я же приказал тебе держаться от пиков подальше! Ты хочешь, чтобы мое старое сердце разорвалось от страха? В следующий раз обходи стороной!

– Что он ответил? – спросил его спутник.

Первый наклонил одно ухо вниз, как будто прислушиваясь к чему-то, и наконец сказал:

– Говорит, что ему не терпится закончить путешествие. Кроме того, просит, чтобы я позволил ему приземлиться на одном из пиков и отдохнуть. Но меня не проведешь! Если я разрешу, то его последнее задание окажется выполненным и демон умчится на свое родное измерение, оставив нас на

ледяной горной вершине.

Говоривший был маленьким, худощавым, темнокожим человеком в платье из грубой бурой ткани. Поток воздуха, омывавший летящую ванну, развевал его седые шелковистые волосы, спадающие на плечи из-под объемистого белого тюрбана, и теребил длинную белую бороду. Это был Карадур, прорицатель и волшебник из Мальваны.

Вторым пассажиром был крупный человек, скорее зрелый, нежели молодой, с румяным лицом, еще сильнее покрасневшим под порывами горного ветра, глубоко посаженными темными глазами, черными бородой и волосами и шрамом, который пересекал его лицо, задевая нос. Это был Джориан из Ардамэ, что в Кортолии, бывший король Ксилара, а также поэт, наемный воин, искусный рассказчик, счетовод, часовщик и землемер.

Продолжая спор, который начался до того, как они едва не врезались в горный пик, Карадур сказал:

– Послушай, сын мой! Бросаться без подготовки в такое рискованное приключение – верный путь к гибели. Мы должны приказать Гораксу доставить нас в какое-нибудь безопасное место, где у нас найдутся верные друзья, и там составить план дальнейших действий.

– К тому времени как план будет готов, – возразил Джориан, – ксиларцам станет известно о моем отбытии из Пенембии. Я это знаю, ведь, когда я был там королем, секретная служба работала надежно, как часы. После чего они приго-

товят западню, надеясь, что я явлюсь спасать Эстрильдис. И тогда...

Джориан провел ребром ладони по шее. Он намекал на кровавый ксиларский обычай каждые пять лет отрубать королю голову и бросать ее в толпу, назначая новым королем того, кто ее поймает. Волшебство Карадура помогло Джориану избежать казни. С тех пор ксиларцы пытались схватить своего беглого короля, вернуть его в страну и завершить прерванную церемонию, чтобы освященным временем способом выбрать наследника престола.

– Кроме того, – продолжал Джориан, – пока Горакс остается у тебя в подчинении, мы можем добраться до дворца по воздуху. Ты сам сказал, что наше путешествие кончится, как только ты позволишь ему приземлиться. Попытка же попасть во дворец по земле окажется намного сложнее. Зачем, как ты думаешь, я захватил с собой вот это? – Он указал на моток веревки, лежавший на дне ванны, ранее принадлежавшей королю Ишбахару. – Ты можешь заколдовать эту веревку, как тогда, в Ксиларе?

Карадур покачал головой:

– Увы, нет! Для этого нужно вызвать духа из Второй реальности, на что сейчас у меня нет возможностей. – Карадур, попробовав зайти с другой стороны, забубнил высоким, гнусавым голосом: – Джориан, дорогой мой! В мире столько привлекательных женщин! Почему ты так привязан именно к этой? Да, Эстрильдис – милая девушка, но ты получал

наслаждение от многих женщин, как во время своего правления, так и после бегства. Неужели только она одна может быть твоей супругой?

– Я же объяснял тебе, – проворчал Джориан, – что только ее одну я выбрал лично. Остальных четырех жен навязал мне Регентский совет. Нет, я против них ничего не имею, но все равно это был вопрос политики, а не личных привязанностей. Впрочем, что такой старый аскет, как ты, может понимать в любви?

– Ты забываешь, что и я когда-то был юным, как ни трудно в это поверить.

– Короче, если король Фузиньян из Кортолии рисковал жизнью, спасая свою возлюбленную Дэнуду от тролля Вуума, то я был бы трусливым негодяем, если бы не последовал его примеру.

– Однако же были и другие женщины, которых ты познал плотски со времени своего бегства.

– В приключении с верховной жрицей я не виноват. У меня не было выбора.

– Верно, но прочие...

Джориан фыркнул:

– Я стараюсь сохранять верность Эстрильдис, но еще не способен после длительного воздержания спокойно отмахнуться от красотки, залезающей ко мне в кровать и умоляющей, чтобы я доставил ей наслаждение. Когда я достигну твоего возраста, возможно, тогда мое самообладание ока-

жется на высоте.

Карадур спросил:

– Откуда ты знаешь, что ксиларцы не выдали твою Эстрильдис за другого?

– Этого еще не случилось, когда мой брат Керин проезжал по Ксилару, ремонтируя и продавая часы. Подозреваю, что они держат ее как приманку для меня. Через Керина я передал ей, чтобы она ждала меня и не отчаивалась.

– А если ее привязанность окажется менее прочной, чем твоя? Предположим, она стала сговорчивой с особами противоположного пола?

– Чепуха! – фыркнул Джориан. – Она всегда мне говорила, что любит только меня, и я доверяю ей так, как доверяю своей душе.

– Да, но иногда Астис – богиня, которую мы в Мальване зовем Лаксарой, – насылает даже на невозмутимейших из смертных страсть, перевешивающую самые убедительные доводы разума и побеждающую самых стойких. Не недооценивай тот беспорядок, который судьба и капризы человеческой природы вносят даже в самые продуманные планы. Как сказал мудрый Сидам, «благословен тот, кто всегда ожидает худшего, ибо никогда не будет разочарован».

Джориан нахмурился:

– Ты предполагаешь, что в мое отсутствие она с готовностью отдалась какому-нибудь мерзавцу? Что ж, такое могло случиться. Поскольку я был лучшим фехтовальщиком в Кси-

ларе, за исключением своего учителя Тартоньо, то без особого труда заколю негодяя. Некоторые бы потребовали убить и изменницу, но для этого я слишком мягкосердечен.

– Итак, ты утверждаешь, что любишь ее?

– Да, причем безмерно.

– В таком случае ты не захотел бы подвергать ее беспричинным страданиям?

– Разумеется, нет!

– А предположим, она взаправду любит своего сожигателя? Тогда ты беспричинно разобьешь ей сердце, и, если после этого силой или обманом заставишь ее жить с тобой, твою семейную жизнь никак нельзя будет назвать счастливой.

Джориан покачал головой:

– Будь ты проклят, старина, ты всегда смотришь на все с самой мрачной стороны! Что бы я ни предложил, ты непременно объявляешь мои планы глупостью, ошибкой или злым мошенничеством. Иногда ты оказываешься прав; но если бы я соглашался со всеми твоими доводами, то стоял бы на одном месте, пока не пустил бы корни. Сдается мне, что я должен ожидать событий и действовать соответственно.

Карадур вздохнул:

– Такому юному существу, как ты, трудно предугадать, какой исход будет наилучшим для всех заинтересованных сторон.

Джориан взглянул вверх, где над головой зажигались звезды:

– Будь добр, прикажи своему демону лететь помедленнее. Меньше всего нам нужно в темноте врезаться в гору Аравию.

– Аравию? Помнится, там жил отшельником мой мудрый коллега, некто Шендеру. Не нанести ли нам ему визит? – Но, увидев выражение лица Джориана, Карадур снова вздохнул: – Нет, наверное, не стоит.

Пурпурно-золотой рассвет застал летающую ванну еще над Лограмскими горами, хотя с продвижением к северу горные хребты становились все ниже. Наконец горы сошли на нет, и несколько часов полет продолжался над обширной Морусской трясинной. Эта спорная территория формально считалась частью Ксилара. В действительности же это была ничейная земля, населенная только немногими отчаянными людьми, карликовыми крокодилами и, как утверждали слухи, потомством драконов, которых завезли когда-то в Новарию плотоядные паалуанцы. Много веков назад эти утонченные каннибалы совершили набег на Ир, государство на западном побережье обширного Новарского полуострова.

Джориан, любопытный ко всему на свете, высунулся из-за края ванны и долго тщетно высматривал паалуанских драконов среди черных топей и серо-зеленых кочек болота, которое с приближением зимы лишилось большинства своих красок.

Карадур предупредил:

– Не высовывайся так далеко, сын мой! Горакс жалуется, что ты раскачиваешь ванну и можешь перевернуть ее, несмотря на его усилия держать ванну килем вниз.

– У ванны нет кия, – отозвался Джориан, – но я его понял.

Два джентльмена в изгнание
Удалялись в летающей ванне.
Их экипаж накренился,
Болото внизу расступилось.
Сей сказ – летунам в назиданье!

– Не лучшее твоё сочинение, сын мой, – сказал Карадур. – Нас же никто не изгонял. Ты добровольно передал власть этому Чивиру, будем надеяться, что он окажется приличным монархом, если удержится на престоле. Кроме того, я бы поставил союз в начале последней строчки.

– Так нарушится размер, – возразил Джориан. – Первая стопа должна быть ямбической, как утверждал доктор Гвидериус.

– Кто?

– Профессор, учивший меня стихосложению в Академии Оттомани. Ну а как тебе это:

Двое путников в ванне летучей
Над трясиной парили вонючей.
Через край перегнулись —

Мигом вниз кувырнулись
И сгнули в бездне зыбучей.

Карадур покачал головой:

– Тут подразумевается, что я тоже наклонился через край.

Но, как ты можешь заметить, я стараюсь не нарушать равновесия ванны.

– Какой ты занудный старик! Сначала сочини лучше меня, а потом критикуй!

– Увы, Джориан, я не поэт, да и новарский – не мой родной язык. Чтобы сочинить стихотворение, передающее все твои мысли по-мальвански, и соблюсти все шестьдесят три правила мальванского стихосложения, требуется гораздо более спокойная и непринужденная обстановка, чем та, в которой мы пребываем сейчас по милости богов!

К полудню они оставили позади морусские болота и парили над лесами Южного Ксилара. На закате леса уступили место распаханым землям.

– Передай Гораксу, – сказал Джориан, – что мы не желаем приближаться к столице раньше полуночи.

– Он говорит, что нам повезет, если мы прибудем до рассвета, – ответил Карадур. – Он стонет – мысленно, разумеется, – от усталости.

– Тогда пусть поспешит. Меньше всего нам нужно, чтобы солнце встало как раз тогда, когда я буду спускаться по веревке.

– Что ты собираешься делать, Джориан? – Голос Карадура выражал поднимающиеся в нем ужасные подозрения.

– Все очень просто. Керин рассказывал мне, что Эстрильдис держат в роскошных апартаментах под самой крышей. Ксиларцы полагают, что оттуда мне будет труднее ее выкрасть – при условии, что я подойду к дворцу по земле. – Джориан усмехнулся. – Так что, когда мы окажемся над дворцом, я привяжу веревку к крану, перекину другой ее конец через край, спущусь вниз и умыкну Эстрильдис, прежде чем кто-либо узнает о нашем появлении. Жалко, что у нас нет одной из твоих заколдованных веревок.

– Я приготовлю ее, если мы продержимся в воздухе достаточно времени для наложения заклинания.

– Этот кран был гордостью короля Ишбахара, – сказал Джориан. – Его изобрел инженер из Дворца Познания в Иразе. Единственной проблемой было то, что слугам короля приходилось смешивать горячую и холодную воду в баке на крыше дворца и им никогда не удавалось соблюдать пропорции. Бедняга Ишбахар либо мерз, либо обжигался в кипятке. Я предложил ему установить два крана – один для холодной воды, другой – для горячей, чтобы он сам мог подбирать нужную температуру. Но из-за осады Ираза и восстания соперничающих партий ему не удалось опробовать мою идею.

Карадур покачал головой:

– Если из Дворца Познания хлынут потоком новые изобретения, через несколько столетий наша реальность станет

похожа на тот мир, где всё делают жужжащие, грохочущие машины и магия не имеет никакой цены. Я надеюсь никогда не испытать воплощения в таком мире.

Джориан пожал плечами:

– Волшебство ли, техника – мне все равно, лишь бы это приносило пользу. По крайней мере, благодаря чудовищной тучности короля Ишбахара у нас есть огромная ванна, в которой мы оба можем спать с удобствами. Тебе не доводилось слышать, откуда она у него взялась?

– Нет, сын мой. Прошу тебя, расскажи.

– Когда Ишбахар взошел на престол, он уже страдал от чрезмерного ожирения, поскольку предавался чревоугодию с ранней юности. В ночь после коронации он, естественно, очень устал, проведя весь день на ногах, совершая церемониальные телодвижения и отвечая предписанными репликами на вопросы жрецов ведущих культов. Поэтому он приказал своим лакеям приготовить для него ванну и велел своей любимой жене ждать его в королевской спальне.

Однако ванна была рассчитана на его предшественника, Шаштая Восьмого, который был маленьким и тщедушным. Ишбахар потрогал воду пальцем и решил, что это то, что надо. Со вздохом блаженного предчувствия он поднялся на приступок, который лакеи поставили рядом с ванной, и погрузился в воду. Но, увы! Опускаясь, он прочно застрял между боками ванны и окликнул слугу: «Эй, так не пойдет! Сейчас нас раздавит в лепешку! Помогите нам, ради всего свято-

го!» Лакей ухватил короля за руку и потянул, но безуспешно. Из-за огромного веса королевское тело прочно вклинилось между сужающимися стенками ванны.

На помощь позвали других слуг, и все вместе они принялись тянуть короля за руки, но безуспешно. Призванный на подмогу часовой засунул древко алебарды между дном ванны и королевской задницей, чтобы подтолкнуть его, как рычагом, наверх. Ишбахар храбро переносил боль, испустив всего несколько стонов, но не сдвинулся с места. Двое лакеев вместе с часовым принялись давить на головку алебарды, но их усилия привели лишь к тому, что они сломали древко.

Тогда король приказал вытащить из кровати главного инженера Материальной школы Дворца Познания. Инженер исследовал проблему и сказал королю: «Ваше величество, я могу вытащить вас отсюда. Все, что нужно для этого, – провертеть дыру в потолке и установить лебедку с соответствующими блоками. Подхватив вас петлями под мышками и под бедрами, мы вмиг вас вытащим».

«Сколько времени это займет?» – спросил король Ишбахар.

Инженер подумал секунду и сказал: «С позволения вашего величества, если учесть время на составление чертежа и поиск материалов, я уверен, что мы освободим вас за две недели».

«А нам тем временем мокнуть здесь? – спросил Ишбахар. – Что-то ты загнул, мой друг! А ну-ка приведите к нам

начальника Духовной школы».

К королю привели верховного чародея Духовной школы, давнего соперника главного инженера Дворца Познания. Чародей сказал: «Ваше величество, я могу вам помочь! Я только-только изобрел левитационное заклинание, которое с легкостью поднимает в воздух до трех талантов веса! Позвольте мне принести свои инструменты, и все будет сделано».

После полуночи волшебник выгнал всех из ванной комнаты и начал свои заклинания. Он сжигал в жаровне таинственные порошки, разноцветный дым от которых извивался и переплетался, как призрачные змеи. Он произносил мистические фразы, и по стенам одна за другой гонялись тени, хотя в комнате не было никого, кто бы отбрасывал их. Портьеры дрожали, и пламя свечей колебалось, хотя в комнате не было ветра.

Наконец волшебник выкрикнул три могущественных слова, и король Ишбахар поднялся, но ванна поднялась вместе с ним, ибо королевские окорока по-прежнему были крепко зажаты в ней. Наконец волшебник, сраженный усталостью, вынужден был опустить короля и ванну на пол. Как ты понимаешь, в этой ванне не было крана и водослива, так что ее можно было свободно передвигать с места на место.

В конце концов любимая жена монарха, которую звали Хазиран, пришла посмотреть, что задержало ее повелителя. Она обнаружила короля в ванной, вокруг которой стояли слуги, главный инженер и главный волшебник, горюя из-за

неудачных попыток освободить короля. Они предлагали разные отчаянные способы – например, морить короля голодом, пока он не похудеет и его можно будет выдернуть из ванны, как пробку из бутылки.

Хазиран ознакомилась с ситуацией и сказала: «Все вы – сборище тупиц! Ванна же керамическая, верно? Слуги, вычерпайте воду! Доктор Акраба, – это был главный инженер, – поскорее принесите мне тяжелый молоток!»

«Делайте, как она говорит, – приказал король Ишбахар. – Проклятая ванна нарушает мое кровообращение».

К тому времени как принесли кувалду, слуги ковшами, ведрами и губками вычерпали почти всю воду. Хазиран ударила по ванне в том месте, где в ней застряли бедра Ишбахара, и с громким треском ванна раскололась на несколько частей. Король завопил от боли, но был согласен, что ушибленное бедро – невысокая плата за освобождение. Он собственноручно вытерся, обнял жену и повел ее в спальню. Хазиран была разумной женщиной, и если бы не умерла через несколько лет от оспы, то могла бы избавить королевство от многих бедствий, давая королю уместные советы.

Король, разумеется, заказал себе новую ванну. На этот раз он позаботился, чтобы она была достаточно большой и ему бы не грозила опасность застрять в ней, сколько бы жира он ни нагулял. А через несколько лет, когда чиновники из Дворца Познания жаловались на сокращение ассигнований, Ишбахар ответил: «Ха! Несмотря на всю вашу мнимую муд-

рость, ваши гении не сумели даже освободить меня из ванны!»

– Поучительная история, – заметил Карадур. – Но зачем ему понадобилось делать ванну из меди? Ведь это стоило ему огромных денег!

– Это был вопрос политики. Его чиновники поссорились с гильдией гончаров из-за налогов, и, заказав ванну гильдии медников, Ишбахар напомнил гончарам, кто в стране главный.

– А теперь вернемся к нашим планам, – сказал Карадур. – Как ты поднимешь свою королеву по веревке в ванну? Каким бы могучим человеком ты ни был, сомневаюсь, что тебе удастся вскарабкаться по веревке, пользуясь одной рукой, а второй ухватив свою милую.

Джориан нахмурился:

– Ты попал в точку. Полагаю, ей лучше всего будет обхватить меня сзади за шею, и, таким образом, мои руки останутся свободными.

– Уверен, что сможешь подняться наверх, таща ее на себе?

– Если не смогу, то буду держаться за веревку, пока ты не найдешь безопасное место для посадки.

– Тебе не хватит сил дождаться, пока мы покинем пределы Ксилара! Полет за границу потребует многих часов. А если мы приземлимся прежде, чем уберемся из страны, Горакс покинет нас, и нам придется уходить пешком.

– Хм-м... – После секундной паузы Джориан восклик-

нул: – Знаю! В дюжине лиг к юго-востоку от Ксилара есть разрушенный замок, по слухам, населенный призраками. Его построил некий барон Лорк во времена феодальной вольницы. Большая часть главной стены осталась цела. Горакс может опустить нас на стену, а затем остановить ванну на одном уровне с парапетом, чтобы мы сумели в нее забраться. Только не забудь приказать ему, чтобы ванна не прикоснулась к стене, ибо тогда он посчитает себя выполнившим задание и, следовательно, свободным.

Карадур пробормотал:

– Мне это не нравится. Демоны, особенно те, которых мы не видим, хитроумные твари! Да еще эти слухи насчет призраков в замке...

– Это только слухи, миф. Вероятно, на самом деле там нет никаких призраков, а если там и вправду обитает злобный дух, то надеюсь, что ты защитишь нас от него магическими средствами.

Карадур неуверенно помотал головой:

– А почему бы не подвести ванну к крыше дворца, чтобы не связываться с замком барона Лорка?

– Потому что, за исключением узкой дорожки вокруг надстройки и крохотной террасы, крыша имеет наклон, на котором не за что зацепиться. Я лично могу рискнуть, соскользнув по черепице прямо в ванну, но не имею права просить об этом Эстрильдис.

– Проклятие, парень, почему ты не мог перевезти меня

через границу в Оттомани и высадить меня там? Я бы приказал Гораксу подчиняться тебе, пока ты его не отпустишь.

– Нет, только не это! – возразил Джориан. – Ты нужен мне, чтобы управлять воздушным экипажем, пока я буду добывать свою милую. Выше голову, старина! Мы с тобой выбрались из гораздо более опасных переделок!

– Все это хорошо для тебя, юный авантюрист, – проворчал Карадур. – Ты сделан из стальных пружин и китового уса, а я стар и немощен. Не знаю, сколько еще подобных приключений выдержу, пока не присоединюсь к большинству.

– Однако ты же не можешь жаловаться, что жизнь в моей компании была скучной, не так ли?

– Нет. Временами я тоскую по приятной, тихой, утомительной скуке.

Было уже около полуночи и на небо поднимался серебристый полумесяц, когда Джориан заметил слева по курсу далекое мерцание тусклых огней и сказал:

– Сдается мне, что там лежит город Ксилар. Прикажи нашему демону держать лево руля! Он ошибся в вычислениях примерно на пол-лиги.

Подчиняясь мысленной команде Карадура, ванна изменила курс. Скоро огни стали ярче и многочисленнее. Некоторые светились в окнах домов; источником других служили масляные лампы, которые Джориан, будучи королем, приказал разместить на столбах на главных перекрестках, таким образом положив основу регулярному уличному освещению.

щению. Прежде горожане, которые были не в состоянии нанять телохранителей и мальчиков с факелами, с наступлением темноты прятались в домах за крепкими засовами.

– Нельзя повышать голоса, – прошептал Джориан.

Шепотом передавая команды Карадуру, который мысленно сообщал их Гораксу, Джориан направлял ванну к королевскому дворцу. Он облетел здание по кругу, прежде чем приказать приблизиться к надстройке.

– На крыше нет часовых – хорошо! – пробормотал он.

Он остановил ванну в шести локтях от маленькой квадратной террасы на краю надстройки. Оставив Карадура следить за ванной, Джориан привязал к крану веревку и перекинул ее конец через борт, приготовившись спускаться вниз.

– Меча не берешь? – прошептал Карадур.

– Нет. Он лягнет или ударится о мебель и выдаст меня. А если поднимется тревога и прибегут часовые, то один клинок все равно меня не спасет.

– В эпосах, – пробормотал Карадур, – герои всегда в одиночку убивают сотни свирепых врагов.

– Эти сказки – ложь, как знает любой, кому доводилось сражаться мечом. Возьми, к примеру, легендарного героя вроде Даурика, но чего я разговорился, когда пора действовать!

– Твоя главная слабость, сын мой, твой длинный язык. Он когда-нибудь тебя погубит.

– Может быть, но бывают грехи и пострашнее болтливо-

сти. Я много говорю, потому что...

– Джориан! – приказал Карадур с необычной суровостью. – Заткнись!

Наконец утихомирившись, Джориан перелез через борт и начал спускаться по веревке. Подошвы его башмаков почти беззвучно коснулись плиток террасы.

Он бесшумно двинулся к двери, ведущей в надстройку, нащупывая в своем кошельке отмычки. Он научился пользоваться этими приспособлениями в год, предшествовавший его бегству из Ксилара. Мудрая прорицательница предсказала, что Джориану суждена судьба либо короля, либо странствующего авантюриста. Но ему не хотелось быть ни тем, ни другим, поскольку он мечтал о жизни процветающего, пользующегося уважением ремесленника вроде своего отца, Эвора-часовщика. Но обстоятельства волей-неволей заставляли его играть предначертанную судьбой роль.

Джориан стал королем Ксилара, нечаянно поймав голову своего предшественника, брошенную с эшафота. Поскольку было очевидно, что принятый в Ксиларе закон о наследовании не даст ему бесконечно наслаждаться королевской жизнью, он решил, не теряя времени, готовиться к ремеслу авантюриста. И учился он так же продуманно и тщательно, как человек, решивший посвятить свою жизнь науке, искусству или юриспруденции.

Он учил языки, изучал военное искусство, а также нанял группу преступников – карманника, мошенника, фальши-

вомонетчика, бандита, контрабандиста, шантажиста и двоих взломщиков, – которые обучали его своим ремеслам. Если боги не позволяли ему наслаждаться жизнью трудолюбивого, законопослушного мещанина, то он, по крайней мере, был способен сыграть навязанную ему роль профессионально.

Оказалось, что в данном случае отмычки не нужны, поскольку дверь была не заперта. Джориан повернул ручку, и дверь с еле слышным скрипом отворилась.

Он хорошо помнил план надстройки с тех времен, когда жил здесь. Каждую ночь к нему присылали одну из его пяти жен. Чтобы не допускать ревности, он общался с ними по очереди. Но расписание нарушалось, когда одна из них болела или была беременной, и оставшиеся ссорились из-за того, кому занять ее место. В конце концов Джориан положил спорам конец, заявив, что только рад отдохнуть ночку-другую.

Сейчас он оказался в гостиной. Двери перед ним вели в две спальни, в ванную и на лестницу, спускающуюся на третий этаж дворца. Несмотря на осень, погода стояла теплая, и двери в спальни не были закрыты. В одной, как решил Джориан, обитала Эстрильдис, в другой – ее фрейлина.

В спальнях не горел свет, и тьму слегка рассеивало только лунное сияние. Джориан задумался, как определить, в какой спальне какая женщина. Ни в коем случае нельзя по ошибке разбудить фрейлину. Нужно подойти на цыпочках к дверям спален, заглянуть и, если все равно будет неясно, неслышно

приблизиться к кровати. Не зная, кто ходит в фрейлинах у его жены, он надеялся, что она окажется брюнеткой, чтобы ее было легко отличить от светловолосой Эстрильдис.

Он направился к левой двери и тут же наткнулся на невидимое препятствие, поскольку необдуманно предполагал, что все столы и стулья стоят на тех же самых местах, как во время его царствования, совершенно забыв женскую страсть к перестановкам.

Невидимый стул повалился с катастрофическим грохотом. Джориан покачнулся, но удержался на ногах, безмолвно проклиная ободранную лодыжку.

Прежде чем Джориан успел еще на шаг приблизиться к левой двери, в спальне раздался ужасающий лай, вой и рычание. Джориан успел заметить освещенные луной сверкающие глаза и обнаженные клыки какого-то зверя, бросившегося на него.

Безоружный Джориан схватил стул, о который споткнулся, и поднял его ножками в сторону приближающегося пса. Зверь с такой силой бросился на стул, хватаясь клыками за ножку, что едва не опрокинул Джориана.

Упав на пол, пес попытался обогнуть Джориана, но тот продолжал закрываться от собаки стулом.

Из спален донеслись женские голоса: «Кто здесь? На помощь! Воры!» Затем чиркнуло колесико зажигалки, и в левой спальне загорелся свет.

В дверях второй спальни появилась призрачная фигура.

Женский голос, незнакомый Джориану, закричал: «На помощь! На помощь! Убийца!» Женщина бросилась к лестнице и пропала.

Из второй спальни со свечой в руке вышла Эстрильдис, маленькая коренастая блондинка. По-прежнему отбиваясь от собаки, Джориан закричал:

– Дорогая! Это я, Джориан! Отгони это чудовище!

– Ох! – взвизгнула маленькая королева. – Что... где... Той, стоять! Назад! Сюда, Той! Хорошая собачка! Ко мне, Той!

Пес – огромный швенский мастифф, как стало ясно при свете, – с ворчанием отступил.

Схватив пса за ошейник, Эстрильдис воскликнула:

– Что ты здесь делаешь, Джориан? Я не ожидала...

С лестницы доносились вопли фрейлины:

– На помощь! Грабители! Убийцы! Спасите королеву!

– Милая! – воскликнул Джориан. – Я пришел за тобой!

Быстро идем, пока не прибежала охрана!

– Но как?..

– Потом! Поставь свечу и привяжи собаку!

– Но я должна знать...

– Проклятие, женщина, если ты немедленно не...

Приказ Джориана прервал лязг оружия на лестнице. В гостиную хлынули солдаты. На их стальных доспехах играли золотистые стебли от пламени свечи.

– Взять его! – проревел властный голос.

Джориан заметил приближающиеся к нему три обнаженных клинка, если не считать последующих подкреплений. Он выбежал из двери на террасу. Сделав три шага, он подпрыгнул, стараясь уцепиться за свисающую веревку как можно выше.

– Карадур! – заорал он. – Летим отсюда, живо!

Он стал карабкаться вверх по веревке. Ванна начала подниматься. Но прежде, чем конец веревки оторвался от террасы, один из часовых, взяв меч в зубы, схватился за нее и тоже полез наверх.

Подъем ванны приостановился. На террасе собирались новые фигуры в доспехах. Кто-то из солдат взялся за конец веревки, но она вырвалась из его рук.

Джориан вгляделся в запрокинутое лицо преследовавшего его солдата, и ему показалось, что он узнал загнутые вверх кончики усов.

– Ты же Дювиан, верно? – спросил Джориан. – Я – Джориан. Разве ты меня не узнаешь?

Часовой, сжимавший в зубах меч, только проворчал что-то в ответ.

Снизу раздавались крики: «У кого есть арбалет? Сходи принеси, идиот!»

– Ты бы лучше спустился, – сказал Джориан. – Иначе мне придется скинуть тебя или перерубить над тобой веревку, и ты расшибешься насмерть.

Часовой, держась левой рукой за веревку и обхватив ее

ногами, взял меч и замахнулся на ноги Джориана, сказав:

– Это мой печальный долг, о король!

Джориан лягнул его, и меч, вывалившись из руки солдата, упал на крышу, подпрыгивая, соскользнул по скату, исчез за карнизом и со звоном шлепнулся на мостовую внизу.

Джориан чуть опустил по веревке и лягнул еще раз – на этот раз по лицу часового. Он промахнулся, но солдат ослабил хватку, соскользнул вниз по веревке и, пролетев несколько локтей, упал на террасу. Он приземлился на одного из своих товарищей, и вдвоем они покатались по террасе, звеня доспехами. До Джориана донеслись звуки яростной перебранки, постепенно удаляющиеся, пока ванна поднималась в воздух.

Щелкнула тетива арбалета, и мимо просвистела стрела. Джориан поспешил подняться по веревке и перебраться через борт в ванну. Стрела, выпущенная из другого арбалета, попала в ванну, отчего та загудела, как гонг. Джориан ощущал борт ванны в том месте, откуда раздавался звон, и нащупал бугор – стрела сделала вмятину в медной стенке.

– Теперь они притащат катапульту, – пробормотал он. – Прикажи Гораксу унести нас прочь со всей демонической поспешностью!

– Куда?

– В Оттомань. Вели ему держать курс на восток. Как ты верно сказал, у нас там найдутся друзья.

Мимо просвистела еще одна стрела, но ванна была уже

далеко. Они мчались по ночному небу на восток, и полумесяц освещал их с правого борта. Джориан молчал, глубоко дыша. Затем он сказал:

– Чума, оспа и язва на ксиларцев! Клянусь бронзовой мошонкой Имбала, мне не терпится сжечь их проклятый город дотла! Что там сказал твой мальванский мудрец насчет того, что надо ждать худшего? Неудача преследовала меня, как будто все это подстроила богиня Элидора. Все произошло как в комедиях Файсо. Сперва я в темноте наткнулся на стул. Потом оказалось, что Эстрильдис завела пса размером со льва, который не признал меня. Затем...

– Сын мой, – простонал Карадур. – Молю тебя, побереги свой рассказ на утро. Мне нужно поспать, пока не настал рассвет. Я не могу пренебрегать отдыхом – года мои не те, что твои...

Волшебник завернулся в одеяло и вскоре захрапел. Успокоившись, Джориан обнаружил, что может улыбаться про себя, и мысленно сочинил пятистишие:

Некий воин замыслил спасти
Жену и без боя уйти.
Но наткнулся на стул,
Всех стражей вспугнул,
Еле ноги успел унести!

Поскольку слушать его рассказ о неудачном похищении было некому, Джориан последовал примеру своего спутни-

ка, улегся рядом с ним и погрузился в сон.

Парк великого герцога

– Горакс настаивает, чтобы мы поскорее шли на посадку, – сказал Карадур, взглядываясь в темноту.

После бегства из Ксилара они летели весь день и пересекли границу Оттомани. Ту чи над головой стужались, начался дождь. Джориан и Карадур закутались в плащи. Но дождь расходился все сильнее и сильнее, вымочив их. На дне ванны плескалась вода.

– Неужели нам нечем вычерпать воду? – пробормотал Карадур. – Горакс жалуется на лишний вес.

– Раз ты заговорил об этом, – отозвался Джориан, – у ванны есть сток, заткнутый пробкой. Он должен быть под той веревкой.

Он пробрался в другой конец ванны и откинул в сторону моток веревки. Затычка оказалась большой пробкой, сидевшей так прочно, что сильные пальцы Джориана не могли ее вытащить. Тогда он выковырял пробку кинжалом, и вода вытекла из ванны.

Надвигалась ночь.

– Я заявляю, что силы Горакса подходят к концу, – сказал Карадур. – Он утверждает, что, если мы не позволим ему в самое ближайшее время приземлиться, он не выдержит и

сбросит нас на землю.

– Прикажи ему притормозить, – ответил Джориан. – Я хорошо знаю страну, но не вижу даже собственных рук, не говоря уже о местности. Тут темнее, чем в брюхе у быка. По моим расчетам, мы должны через два-три часа добраться до города.

– По крайней мере не перепугаем до смерти людей внизу, – сказал Карадур. – Раз мы их не видим, то и они нас не разглядят.

Джориан усмехнулся:

– Помнишь того возчика в Ксиларе, который соскочил с телеги, бросился через поле и спрятался в стогу?

– Да. Но твоя всемогущая секретная служба прознает об этом случае и поймет, что мы направились на восток.

– Верно. Но мне думается, что в Оттомани мы будем в безопасности. Оттоманцы всегда были на ножах с ксиларцами. Знаешь, какая чепуха получается, когда река меняет русло, оставляя песчаную косу, которая раньше принадлежала одной стране, а теперь оспаривается другой. Этот спор начался как раз тогда, когда мое правление подходило к концу, и я не успел его решить. Короче говоря, сомневаюсь, чтобы оттоманцы выдали нас.

– Надеюсь, ты окажешься прав. Щедрая взятка нередко берет верх над подобными местническими интересами.

– Тогда мы должны полагаться на скаредность ксиларского казначея. В мое время этот пост занимал Притио,

сын Пеллитуса, так же неохотно расстававшийся с золотыми львами, как мальванский тигр со своей добычей. – Джориан вглядывался во мрак, пытаясь разглядеть какой-нибудь крупный ориентир. – Прикажи Гораксу снизиться и лететь медленно, чтобы не врезаться в дерево или шпиль. Когда взойдет луна, нам наверняка удастся найти дорогу или реку, чтобы держать курс.

Через несколько часов дождь превратился в морось. Луна в последней четверти отбрасывала бледное жемчужное сияние на тучи над головой. Время тянулось медленно.

Склонившись через край, Джориан различал вспаханные поля, а временами – деревню, скопление черных прямоугольников во тьме. Но каких-либо примет ему не удавалось обнаружить.

Карадур сказал:

– Горакс утверждает, что лишился сил. Он предупреждает, чтобы мы держались крепче, поскольку вынужден совершить посадку.

Когда ванна опускалась, у пассажиров появилось ощущение головокружения. Тьма сгущалась – вокруг них поднимались деревья. С тихим шорохом ванна приземлилась на мягкий дерн.

– Демон прощается с нами, – сказал Карадур. – Знаешь ли ты, где мы оказались?

– Где-то в Оттомани, – ответил Джориан, – если только Горакс не перемахнул границы герцогства и мы не попали

в Виндию.

Джориан поднялся, ворча и разминая онемевшие конечности. Дождь перестал, но вокруг слышался плеск капель, падающих с деревьев.

Он выбрался из ванной. Кажется, они попали на небольшую травянистую поляну, окруженную огромными деревьями. Джориан обошел поляну по кругу. Вернувшись, он сказал:

– По-прежнему не знаю, куда мы попали. Ладно, давай хотя бы выжмем воду из платья.

Стоя в ванной, Джориан разоблачился и выжал свою одежду.

Он чихнул и сказал:

– Надеюсь, что она высохнет, иначе мы замерзнем до смерти... А это еще что?

По поляне двигался какой-то зверь; его шаги были почти бесшумными, но Джориан разглядел выделяющийся на фоне мрака еще более темный силуэт и услышал тихий шорох дыхания. Затем рядом с ванной раздалось фыркание. Над краем ванны появились два еле видных тусклых пятна. Джориан узнал запах.

Он сидел на мотке веревки, прикрывавшем слив ванны. Внезапно он вскочил, замахал руками и издал оглушительный вопль:

– Й-йеу-у-у!

В ответ раздалось рычание, и зверь поспешно удалился.

– Кажется, леопард, – сказал Джориан. – Ты в порядке, отец Карадур?

Старый волшебник задыхался, лоя ртом воздух.

– Твой вопль едва не остановил навсегда мое старое сердце.

– Прости, но мне нужно было испугать кошку, чтобы прогнать ее. Небо светлеет. – Джориан ощупал одежду; платье Карадура было разложено на противоположной стенке ванны. – Еще не просохло, но нам лучше одеться. Его высушит тепло наших тел. Как насчет огня?

– Превосходная идея, только не знаю, осуществимая ли в этой сырости.

Джориан достал огниво:

– Проклятие! Мой трут отсырел, и я не знаю, как его высушить. Как ты думаешь, не удастся ли тебе вызвать огонь заклинанием?

– Если ты найдешь дрова, попробую.

Вскоре Джориан собрал охапку хвороста. Стоя в ванной, Карадур взмахнул жезлом, сделал несколько мистических пассов и произнес волшебные слова. В центре наваленной Джорианом кучи хвороста поднялся маленький голубой огонек. Пламя танцевало среди веток, то и дело издавая тихое шипение, но хворост не загорался.

– Увы! – сказал Карадур. – Ничего не получится, пока дрова не высохнут.

Джориан проворчал:

– Я всегда считал, что за помощью к магии прибегают тогда, когда все материальные возможности себя исчерпали. Но, похоже, волшебство так же часто оказывается бесполезным.

Карадур вздохнул:

– Сын мой, боюсь, что ты проник в самый страшный секрет, в святая святых нашего ремесла.

– Ты хочешь сказать, что все ваши чародейские сказки о безграничном могуществе – блеф, чтобы надуть нас, мирян?

– Увы, это верно. Мы терпим неудачу так же часто, как инженеры из Дворца Познания в Иразе. Но я заклинаю тебя, не выдавай этот ужасный секрет простонародью. Нам, волшебникам, кусок хлеба достается изрядным трудом.

Джориан усмехнулся в темноте:

– Поскольку ты спас мне жизнь, старина, я буду хранить твой секрет. – Он осмотрелся. Уже достаточно посветлело, чтобы можно было разглядеть ветви и листья деревьев, хотя лиственная растительность с наступлением осени лишилась большей части своего летнего наряда. – Во имя белоснежных грудей Астис, что это?!

К трем из числа окружающих поляну деревьям были прикреплены деревянные лестницы, вершины которых терялись в кроне.

Джориан сказал:

– Никогда не слышал о деревьях, на которых сами собой вырастают лестницы. Должно быть, это дело человеческих

рук.

– Можно себе представить, что кто-нибудь прикрепил подобные лестницы к фруктовым деревьям, чтобы облегчить сбор урожая, – сказал Карадур. – Но здесь мы видим всего-навсего дубы, буки и липы.

– На буках растут орешки, – сказал Джориан. – Но две из лестниц ведут на дубы. Кому понадобилось собирать незрелые желуди?

– Например, свинопасу. Но я совсем в этом не уверен, поскольку желуди гораздо проще собирать с земли. Может быть, лестницы ведут на сторожевые посты?

– Никогда не слышал ни о чем подобном, хотя служил в армии его незаконнорожденного высочества, – сказал Джориан. – Но что другое... ого, Карадур, оглянись-ка!

Волшебник обернулся и испуганно вздрогнул.

– Единорог! – прошептал он.

Из кустарника на краю поляны высунулись голова и передние конечности огромного зверя. Единорог в мире Джориана был вовсе не грациозным животным, похожим на коня, а крупнейшим представителем носорогов, покрытым золотисто-бурой шерстью, с единственным рогом, торчащим не из носа, а изо лба, над глазами.

– Если мы не будем шевелиться, – прошептал Джориан, – может быть, он уйдет.

– Боюсь, что не уйдет, – прошептал в ответ Карадур. – Я ощущаю эманации пробуждающейся в нем ярости. Сдается

мне, нам стоит приготовиться бежать к одной из этих лестниц.

Единорог оглушительно фыркнул, топнул по земле трехпалой ногой и шагнул вперед.

Джориан пробормотал:

– Раньше начнешь – раньше кончишь, как говорил мудрец Ахэмо. На старт, внимание, марш!

Он выскочил из ванны и бросился к лестнице на противоположной от зверя стороне поляны. Карадур последовал за ним, но из-за своих немалых лет отставал. Джориан подждал его у основания лестницы, крича:

– Скорее! Он приближается!

Когда волшебник, задыхаясь и еле держась на ногах, добежал до деревьев, Джориан обхватил Карадура за пояс своими сильными руками и поднял хрупкого старика на несколько ступенек лестницы.

Единорог с шумом мчался по поляне, фыркая, подобно вулкану. Он набросился на ванну, опустив голову, и ударил по ней рогом. С оглушительным звоном ванна взлетела в воздух, разбрасывая пожитки двоих путников.

– Вверх! Поспеши! – рявкнул Джориан, поскольку лишившийся сил Карадур с трудом карабкался по лестнице.

Джориан был все еще в пределах досягаемости толстого изогнутого рога.

Единорог носился взад и вперед по поляне, топча разбросанные предметы. Он подхватил рогом одеяло Джориа-

на и закурился, мотая головой, отчего одеяло хлопало, как флаг. Когда оно улетело прочь, единорог снова набросился на ванну, перевернув ее вверх дном.

Затем зверь обратил внимание на путешественников на лестнице. Он подбежал к дубу и попытался, встав на дыбы около ствола, достать до Джориана, но тот был уже высоко.

Избежав гибели, Джориан и Карадур неторопливо продолжили подъем. Добравшись до толстой горизонтальной ветки со множеством небольших сучков, за которые можно было держаться, Джориан уселся на ней. Карадур не без опаски последовал его примеру. Единорог внизу запрокинул голову, чтобы не упускать их из вида.

– Что-то говорит мне, – рассуждал Джориан, – что мы этому малому не понравились. Правда, мне кажется, я понял, куда мы попали.

– Куда?

– Когда я служил в пешей гвардии его незаконнорожденного высочества, ходило много слухов о плане, вынашиваемом великим герцогом. Он собирался объединить несколько охотничьих заповедников к югу от города Оттомани в один национальный парк, чтобы охранять дикую природу. Великий герцог Гуитлак слишком состарился и растолстел, чтобы охотиться, а его незаконнорожденное высочество Даунас, его единокровный брат, предпочитал гоняться не за оленями и кабанами, а за юбками.

В любом случае им были нужны деньги, чтобы экипиро-

вать и тренировать свою любимую тяжелую кавалерию. И они решили, что, населив парк обычными и экзотическими зверями и впуская за плату публику, они могут собрать немалую сумму. Любопытные будут приезжать даже из других стран, тратить деньги, и, следовательно, казна государства пополнится. Наш приятель внизу – один из тех самых экзотических зверей, поскольку его родина – прерии к северу от Эллорнаского хребта. Должно быть, эти лестницы сделаны точно для той цели, для которой мы их использовали, – чтобы служить убежищем от зверей, которым не понравятся надоедливые посетители.

– Все это очень хорошо, – сказал Карадур. – Но как нам убедить проклятую тварь оставить нас в покое?

Джориан пожал плечами:

– Рано или поздно ему надоест, и он уйдет.

– Если мы раньше не ослабнем от голода и не упадем вниз, – проворчал Карадур.

– Ну, есть еще метод, с помощью которого король Фузиньян спасся от чиниокского кабана.

Карадур устроился поудобнее:

– Мне казалось, что я слышал все твои истории про Фузиньяна Лиса, но этой что-то не помню.

– Когда Фузиньян стал королем в Кортолии, – начал Джориан, – он унаследовал охотничий заповедник, такой же, как заповедник великого герцога. Он назывался Чиниокский лес. Первые годы правления Фузиньяна, унаследовав-

шего трон от своего отца, неразумного Филомена Доброхота, были слишком напряженными из-за войны с Оссарией и неприятностей с гигантами, называвшимися Зубами Гримнора, чтобы у него нашлось время навеститься в Чиниокский лес.

Но после всех этих событий Фузиньян решил наслаждаться жизнью в той мере, в какой может себе позволить добросовестный правитель, несмотря на одолевавшие его заботы. Кое-кто из придворных предлагал ему отправиться на охоту в Чиниокский лес, в котором расплодились дикие звери. В частности, в лесу жил дикий кабан сверхъестественной силы, размера и свирепости. В описаниях очевидцев он превращался в настоящего буйвола с клыками вместо рогов, и подхалимы прожужжали уши Фузиньяну рассказами о славе, которую он завоюет, убив зверя, съев его на пиру и прибавив голову кабана к дворцовой стене.

Фузиньян не очень интересовался охотой, но зато любил рыбалку. Более того, он любил время от времени в одиночестве поразмыслить над потоком предложений, биллей, актов, просьб, договоров, соглашений, петиций и напоминаний, постоянно преследующих его. А рыбалка как нельзя лучше подходила для этой цели.

И поэтому в один летний день Фузиньян с четырьмя телохранителями отправился на опушку Чиниокского леса. Здесь он оставил телохранителей, приказав им никуда не отлучаться и, только если он не вернется за час до заката, от-

правиться на его поиски.

Гвардейцы стали протестовать, напоминая королю о медведях, волках и леопардах, живших в лесу, не говоря уж о чиниокском кабане. Но Фузиньян отмел их возражения и направился по тропинке, которая, как он знал, приведет его к ручью, полному форели. С собой он взял пару удочек и корзину с завтраком. Весело насвистывая, он углубился в лес.

Но, еще не доходя до ручья, он услышал фырчанье вроде того, какое издавала та машина во Дворце Познания, которую пытались заставить совершать полезную работу силой пара. А затем из-за деревьев выскочил чиниокский кабан. Заметив Фузиньяна, зверь хрюкнул, стал рыть копытом землю и наклонил голову, готовясь к атаке.

Кабан не был размером с буйвола, но, в общем, оказался действительно крупным. Его рост в холке доходил Фузиньяну до подбородка, а у короля не было никакого оружия, кроме ножа для чистки рыбы.

Когда чудовище бросилось на короля, Фузиньян выронил удочки и прыгнул на ближайшее дерево – большой бук вроде вон того. Несмотря на свой малый рост, он был очень ловким и проворным, и ему без труда удалось забраться на ветки. Кабан встал на дыбы, но не мог достать до Фузиньяна, устроившегося на суку, как мы с тобой.

Фузиньян надеялся, что, если он долго просидит на дереве, кабан потеряет к нему интерес и уйдет. Но шли часы, а кабан все так же упрямо стоял под буком. Всякий раз, как

Фузиньян шевелился, кабан принимался бегать вокруг ствола, задирая голову и свирепо хрюкая.

Фузиньян начал беспокоиться за своих телохранителей, жену и королевство и решил, что так или иначе должен спастись. Он попытался кричать, надеясь, что телохранители его услышат; но они были слишком далеко.

Он подумал о других способах, например вырезать из ветки шест и привязать к нему нож, чтобы получилось копье. Он даже срезал ветку подходящих размеров, но понял, что она слишком гибкая и просто согнется и сломается, прежде чем нож проткнет толстую шкуру кабана.

Тогда он задумал отвлечь внимание зверя. Сняв с себя шляпу, куртку и рейтузы, он соорудил чучело, набив одежду ветками и скрепив ее рыболовными крючками. Затем он пробрался на конец ветки и с помощью запасной лески подвесил чучело на такой высоте, где кабан не мог его достать.

Отползая назад, он стал трясти ветку, чтобы чучело прыгало вверх и вниз и раскачивалось из стороны в сторону. Кабан, увидев перед собой танцующее подобие Фузиньяна, пришел в полную ярость, оглушительно захрюкал и стал прыгать под чучелом, пытаясь достать его и растерзать.

Тем временем Фузиньян перебрался на другую сторону дерева и бросился со всех ног прочь. Когда рев и фырчанье зверя затихли вдали, он остановился, сообразив, что заблудился.

Ориентируясь по солнцу, он направился к опушке Чини-

окского леса и после полудня вышел к изгороди, отмечавшей границы заповедника. Двигаясь вдоль нее, он оказался среди возделанных полей, но понял, что то место, где он вошел в лес, лежит далеко отсюда. Первым встретившимся ему человеком был фермер, выпалывающий сорняки.

Приблизившись, король сказал: «Добрый день, приятель. Могут ли я...»

Увидев его, фермер обернулся и закричал в сторону своего дома: «Иноджен! Беги за констеблем! Тут какойто сумасшедший разгуливает нагишом!» Ибо Фузиньян действительно был голым, если не считать башмаков, ведь бельем в те времена не пользовались. Фермер же тем временем поднял свою мотыгу наперевес, чтобы не подпускать Фузиньяна к себе.

«Добрый человек, – сказал Фузиньян, – ты ошибся. Ошибка твоя вполне естественна, но тем не менее это ошибка. Знай же, что я – король Фузиньян, твой господин и повелитель. Если ты будешь так добр и одолжишь мне какую-нибудь одежду...» В ответ на это поселянин закричал еще громче, чем прежде: «Иноджен! Поспеши! Этот безумец называет себя королем!»

Жена фермера выбежала из дома, оседлала мула и галопом пустилась прочь. Фузиньян пытался объяснить, как он оказался в таком затруднительном положении; но чем больше он говорил, тем сильнее пугал крестьянина, который угрожал Фузиньяну мотыгой, и в конце концов королю при-

шлось отскочить, чтобы избежать удара.

Затем раздался цокот копыт – вернулась жена фермера на муле в сопровождении констебля на лошади. Последний спешился, звеня кольчугой, и приблизился к королю со словами: «Спокойно, приятель, спокойно! Сейчас ты поедешь со мной в лечебницу, где мудрые доктора исцелят тебя. Идем, бедолага!»

Констебль приблизился к Фузиньяну и хотел его схватить, но король отскочил и побежал прочь. Констебль и фермер бросились за ним. Двое сыновей фермера, только что вернувшиеся из школы, присоединились к погоне, точно так же, как прочие домочадцы. Вскоре за Фузиньяном гнались два десятка мужчин и детей, некоторые с оружием, и все они кричали: «Хватайте сумасшедшего, пока он не прикончил кого-нибудь!»

Умелый бегун, Фузиньян сперва оторвался от погони. Но когда кто-нибудь из преследователей выдыхался и отставал, его место занимал другой, и через какое-то время маленький король лишился сил. Затем его догнали двое верховых, одним из которых был констебль, позванный женой фермера. Фузиньяну пришлось остановиться и поднять руки в знак того, что он сдается. Задыхаясь, он снова попытался все объяснить, но никто не обращал на его слова внимания.

Вместо этого кто-то набросил ему на шею веревочную петлю и другой ее конец вручил констеблю, который сказал: «Ну, бедняга, теперь ты пойдешь со мной, хочешь ты то-

го или нет». Констебль, повернув коня, дернул за веревку, и Фузиньян был вынужден побежать за ним. И таким образом на закате они добрались до ближайшей деревни под названием Димилис.

Фузиньяна посадили в тюрьму и вызвали судью, который явился, сильно недовольный тем, что его оторвали от обеда. Выслушав рассказ фермера и констебля, он спросил у Фузиньяна: «А что ты имеешь сказать, моя ощипанная курица?»

Фузиньян ответил: «Ваша честь, я в самом деле король Фузиньян».

«Ха! – воскликнул судья. – Очень мило! Где твоя корона, твоя мантия, твои лакеи? Короче говоря, я вижу здесь не только безумие, но и государственную измену. Закуйте негодя в железо!»

«Ваша честь! – обратился к нему Фузиньян. – В доказательство своих слов я могу произнести коронационную клятву. Я могу назвать имена моих царственных предков в пятнадцати поколениях. Найдите кого-нибудь, кто знает меня! Пошлите кого-нибудь ко двору!»

Но никто не принимал его слов всерьез.

Никто не знает, чем бы закончился этот фарс, если бы неожиданно не появились двое телохранителей Фузиньяна, отправившиеся на поиски известий о своем господине. Увидев, что короля заковывают в цепи и уводят в камеру, они опустили на колени, восклицая: «Ваше величество! Что с вами делают эти негодяи? Прикажите нам убить их!»

На толпу, собравшуюся в тюрьме, упало молчание. Каждый делал вид, что просто проходил мимо по своим делам и не имеет никакого отношения к выяснению личности голого человека. Каждый старался спрятаться за спиной товарища, а те, кто стоял ближе к выходу, осторожно пробирались к дверям и бежали прочь, пока один из гвардейцев не встал у выхода.

Фузиньян улыбнулся через покрывавшую его лицо грязь и сказал: «Привет вам, Бальдольф и Камбер! Рад видеть вас! Как вы тут очутились?»

Гвардеец ответил: «Ваше величество, когда солнце отделяло от горизонта не более ширины ладони, мы отправились по вашему следу в лес. Вскоре нам показалось, что мы видим ваше величество свисающим с ветки, отчего мы страшно перепугались; но мы обнаружили, что это всего лишь одежда вашего величества, набитая ветками. Хотя мы не могли сообразить, что здесь произошло, мы решили, что двое из нас должны обшарить лес, а двое других – поспешить в Димилис и поднять тревогу».

«Сейчас я все объясню», – сказал Фузиньян, но в этот момент судья и все крестьяне упали ниц и запричитали: «Смилуйся, великий король! Мы не хотели тебе зла! Мы всего лишь старались выполнить свой долг! У нас есть жены и дети! Смилуйся, умоляем тебя!»

«Встаньте! – приказал король. – Было бы преувеличением сказать, что я доволен сегодняшними происшествиями.

Но я не убиваю своих подданных, как бы идиотски они себя ни вели. Судья Кольгрин! За то, что вы торопитесь вынести решение, не рассматривая доказательств, я налагаю на вас небольшой штраф. Вы должны немедленно снять камзол и штаны и отдать их мне!»

Судья был так рад остаться в живых, что без лишних слов снял одежду и вручил ее королю, оставшись совсем голым, если не считать башмаков и цепи – символа его должности. Фузиньян облачился в судейскую одежду, которая оказалась велика ему, поскольку Кольгрин был толстым человеком. В сопровождении двоих телохранителей король вышел из тюрьмы, сел на коня, которого привели с собой гвардейцы, и ускакал. Но с тех пор Фузиньян с гораздо меньшей охотой оставлял телохранителей и гулял в одиночку.

Карадур сказал:

– Поучительная история, показывающая, как сильно власть и знатность человека зависят от его внешнего вида. Но наш единорог не выказывает намерения удалиться, а я сильно сомневаюсь, что мы сможем обмануть его так же, как твой король обманул кабана.

Джориан приложил палец к губам и прошептал:

– Я слышу голоса.

Голоса раздавались все ближе, а шелест ветвей говорил о приближении крупного животного. Единорог бросил взгляд через поляну и фыркнул.

За деревьями маячил слон – огромный мальванский зверь

с ездоками на спине. Когда он оказался ближе, Джориан заметил, что вдоль его хребта идет широкая скамья, на которой в два ряда, спина к спине, сидят восемь человек, поставив ноги на подножки вдоль боков зверя. На шее у слона сидел погонщик-мальванец в тюрбане.

Один из ездоков, одетый в странную форму, обращаясь к остальным пассажирам, вещал зычным голосом:

– Перед собой вы видите единорога из степей Швении. По-научному он именуется «эласмотерий», и философы утверждают, что он состоит в родстве с носорогом из Бераоти. Животное это травоядное, но вспыльчивое и опасное, если приближаться к нему пешком...

Единорог повернулся и потрусил прочь с поляны. Джориан очень быстро потерял его из вида.

Юный погонщик воскликнул, показывая на помятую ванну:

– Мастер лесничий, что это за красная штуковина?

По приказу лесничего погонщик направил слона к ванне, около которой были разбросаны пожитки Джориана и Карадура.

Лесничий воскликнул:

– Что это, во имя бронзовой бороды Зеватаса? Вероятно, здесь стояли лагерем какие-то бродяги и ушли, оставив весь этот хлам. За несоблюдение чистоты положен штраф. Но это что за предмет? Он похож на большую ванну, но как она могла здесь оказаться?

Мальчик снова подал голос:

– Мастер лесничий, вон твои бродяги – сидят на большом дереве!

– Ого! – воскликнул лесничий и приказал погонщику остановить слона под деревом. – Можете меня поджарить, но это самые натуральные браконьеры, пойманные на месте преступления! Но дичь, которую они вспугнули, оказалась крупнее, чем они рассчитывали!

– Прошу прощения, сэр, – заговорил Джориан, – но вы ошибаетесь. Мы не браконьеры, а всего лишь двое путешественников, по стечению обстоятельств попавших в ваш парк.

– Ловок же врать! – И лесничий обратился к туристам: – Сейчас вы увидите, как мы, лесничие, справляемся с такими негодями. – Он поднес к губам рожок и протрубил в него. Издалека ему ответил второй рожок. – Как вы сюда попали? – осведомился лесничий. – Вы не могли пройти в ворота, отметившись у дежурного, иначе вам бы не позволили бродить по парку без сопровождения. Само ваше присутствие здесь доказывает вашу вину!

Джориан указал на ванну, валяющуюся на поляне:

– Мы прибыли вон в той ванне, поднятой в воздух волшебством. Когда наш демон лишился сил, он опустил нас на эту поляну. Поскольку дело происходило ночью, мы не знали, куда нас занесло.

– Ха! – усмехнулся лесничий. – Попробуйте убедить в

этом судью!

– Мой добрый сэр, – настаивал Джориан, – мы – вполне порядочные люди, несмотря на наш облик. Я служил в пехоте его незаконнорожденного высочества и учился в Академии. Если вы спросите доктора Гвидериуса...

– Не трать понапрасну слов, браконьер, – сказал лесничий. – Если не закроешь пасть, тебе же будет хуже.

Через некоторое время из-за деревьев выехали трое лесничих на лошадях. Обменявшись с ними несколькими словами, лесничий на слоне отдал приказ погонщику, и слон исчез в лесу. Джориан слышал голос лесничего, затихающий вдали:

– Единороги держатся поодиночке, встречаясь со своими сородичами только во время гона...

У двоих из трех новоприбывших лесничих были арбалеты. Третий, который оказался командиром, приказал:

– Спускайтесь, браконьеры! Но не пытайтесь скрыться в лесу, если не хотите получить стрелу в спину.

– Можно ли нам хотя бы собрать свои пожитки? – спросил Джориан, оказавшись на земле. – Собирайте, только поживее!

Примерно через полчаса Джориан и Карадур оказались у входа в парк. Некоторые их пожитки, например набор кухонных принадлежностей Джориана, погибли безвозвратно. Остальное, завернув в одеяла, они несли за плечами, как беженцы.

У ворот готовили для экскурсионной прогулки еще одного слона. Он лежал на животе, и туристы занимали места на его спине, поднимаясь по лестнице, прислоненной к боку животного. Еще несколько слонов, привязанных к ряду столбов, ритмично взмахивали хоботами, отправляя себе в рот зелень.

Лесничие окружили двоих путников, разоружили и впихнули в маленькую каморку.

– Здесь вам придется подождать, браконьеры, – сообщил один из них, – пока не вернется из поездки лесничий Феррекс.

Дверь захлопнули и заперли на засов. Единственным предметом обстановки была скамья; свет исходил из крохотного окошка под потолком.

– Теперь я понимаю, что чувствовал твой король Фузиньян, когда никто не желал выслушивать его разумные объяснения, – сказал Карадур. – Ты можешь открыть дверь отмычкой?

– Мог бы, если бы тут был нормальный замок; но мои маленькие зубочистки бессильны против засовов.

Джориан пытался разогнать скуку, сочиняя стихотворение о своих последних приключениях. Первая строфа гласила:

Двое храбрых странников в Оттомань путь держали; В медной ванне демон по небу их нес. Но в заповедник герцога невзначай попали – И сидят в темнице, мокрые от слез.

Джориан дошел уже до пятой строфы, когда дверь отворилась.

Лесничий Феррекс приказал:

– Выходите, браконьеры!

Их приковали друг к другу наручниками, запихнули в фургон с сиденьями и туда же погрузили их вещи. Затем в фургон залез лесничий Феррекс, усевшись лицом к ним. Возница взмахнул хлыстом, и повозка покатилась. Она целый час тряслась по грязной дороге, проезжая поля и деревни, пока на горизонте не появился город Оттомань.

По дороге Джориан и Карадур разговаривали помальвански. Феррекс хмурился, но не пытался остановить их. Они пришли к выводу, что Джориан может назваться истинным именем, поскольку он хотел найти своих знакомых.

В тюрьме лесничий рассказал о происшествии судье Флолло, а Джориан повторил свою версию, которую уже изложил лесникам.

Судья сказал:

– Я не могу выпустить вас на поруки, поскольку, будучи чужестранцами, вы ни с кем здесь не связаны, и никто не может выступать гарантом в суде. Вы утверждаете, что прибыли сюда с помощью магии; но если вы колдуны, то вы могли бы вызвать своими колдовскими способами нового демона или сотворить заклинание, чтобы спастись из парка.

– Ваша честь! – возразил Джориан. – Если вы признаете, что мы – волшебники, значит, наш рассказ – правда и мы

никак не можем быть браконьерами.

– Ничто не мешает чародею заняться браконьерством, если он питает к этому склонность. – Судья взвесил на ладони кошелек Джориана и высыпал из него пригоршню монет. – Изрядное состояние! Откуда у вас такие деньги? Ограбили королевскую сокровищницу?

– Не ограбили. Ваша честь! Это долгая история. Как вы видите, эти деньги из королевства Пенембии, где я подрядился починить часы на городской башне...

– Несущественно. Деньги будут конфискованы и возвращены вам, если вы сумеете опровергнуть обвинения в браконьерстве, разумеется, за вычетом стоимости вашего содержания в тюрьме.

– Ваша честь, если я так хорошо обеспечен, то зачем бы мне понадобилось просидеть ночь под дождем в надежде изловить зайца? Позвольте рассказать вам, как...

– Заключенный, я не могу тратить время на выслушивание ваших рассказов, мне нужно решить еще много дел. Ваше присутствие в парке без сопровождающих – достаточное доказательство ваших дурных намерений; так что истинна ли ваша история или ложна, решать будет суд. Пристав, уведите их.

– Пошли, вы, двое, – приказал приземистый мужчина с лицом, изуродованным шрамами, в потрепанной черной форме.

Джориана и Карадура отвели в очередную камеру. Един-

ственное окно в ней, забранное крепкой решеткой, находилось под потолком.

Пристав, закрывая дверь, спросил:

– Правильно ли я расслышал, что ты называл себя Джоррианом из Ардамэ?

– Ну да. А что?

– Не припоминаешь солдата по имени Мальго?

– Припоминаю, раз ты заговорил об этом. – Джорриан пристально всмотрелся в пристава. – Клянусь железной палкой Имбала, я вижу своего старого боевого товарища!

– Товарища, как же! – фыркнул Мальго. – Не ты ли поколотил меня? И вот теперь ты мне попался! Ты пожалеешь, что посмел дотронуться до меня пальцем!

– Но это же было семь лет назад... – начал Джорриан, но Мальго неторопливо уходил прочь, не обращая на него внимания.

– Что все это значит? – спросил Карадур.

– Когда мы с Мальго служили наемниками в армии его незаконнорожденного высочества, Мальго был главным задирой. Особенно он донимал одного парня, который, как бы ни был хорош сам по себе, никак не годился в солдаты. Это был неуклюжий долговязый молокосос, вечно шагающий не в ногу или роняющий свою пику. Мальго доводил его с большим удовольствием.

Однажды я обнаружил, что Мальго зажал этого парня в угол и, одаряя его щипками, пинками и прочими мерзкими

гостинцами, объяснял бедолаге, что тот ни на что не годен. Я заподозрил, что Мальго приставал к юнцу с некими гнусными намерениями, а тот ему отказал. Решив, что Мальго тоже следует кое-чем угостить, я повернул его лицом к себе и задал ему хорошую взбучку. У меня был расквашен нос и подбит глаз, но видел бы ты его!

– Ты поступил очень доблестно, – сказал Карадур, – но сейчас твой подвиг вовсе не пойдет нам на пользу. Если бы мы использовали один из твоих псевдонимов, например... как ты называл себя, когда в первый раз бежал сюда из Ксилара?

– Никко из Кортолии. Наверное, ты прав, но сейчас уже поздно что-то менять.

В последующие дни пристав Мальго, стараясь держаться от Джориана подальше, все же разными хитроумными способами досаждал заключенным. Он позаботился, чтобы они получали не более половины положенного арестантам пайка, да и тот всякий раз оказывался почти несъедобным. Еду узникам приносил помощник Мальго, огромный придурковатый юнец с бессмысленной улыбкой.

Когда Джориан потребовал судью, чтобы обратиться к нему с жалобой, Мальго сказал, что он передаст сообщение. Вскоре он вернулся и заявил, что судья отказался прийти. Джориан подозревал, что пристав и не разговаривал с судьей.

Когда Джориан попросил воды, Мальго принес чашку и со смехом выплеснул ее содержимое на пол камеры.

Джориан просил письменные принадлежности, чтобы написать одну записку доктору Гвидериусу, а другую – волшебнице Гоании. Мальго принес перо и бумагу. Но когда Джориан написал записки и передал их приставу через решетку, Мальго, ухмыляясь, порвал их.

Мальго не позволял своему помощнику выносить парашу, и вскоре в камере стояла вонь, привлекавшая полчища мух. Иногда Мальго останавливался в коридоре, насмехаясь над попытками узников прихлопнуть насекомых.

– Будем надеяться, что это не продлится до летней жары, – ворчал Джориан.

В конце концов Джориан спросил:

– Святой отец, ты не можешь произнести заклинание, которое бы выгатило нас отсюда?

– Нет, сын мой. Те ничтожные заклинания, которые я могу произнести без моих принадлежностей, ни на что не пригодны. Кроме того, я чувствую, что на это здание уже наложено контрзаклинание и никакое мое колдовство не будет иметь успеха. А как насчет твоих отмычек? Сдается мне, они как раз годятся для замков, которыми запираются здесь камеры.

– Увы, но мои маленькие помощники остались в сумке, отобранной у меня судьей.

– А у меня он отобрал мои магические принадлежности.

– Но это же просто глупо! – проворчал Джориан. – Мы, двое безвредных странников, имеющих в Оттомани влиятельных друзей, оказались здесь после многих неудач и даже

не можем связаться с теми, кто способен нам помочь!

– Если крикнуть через вон то окно, вероятно, нам удастся уговорить кого-нибудь передать послание.

Джориан хлопнул себя по лбу:

– Почему я не додумался до этого раньше? Я – последний олух! Мы потеряли неделю в этой вонючей камере! Если встать на табурет...

Джориан, взобравшись на табурет, выглянул в окно и обнаружил, что смотрит со второго этажа тюрьмы на улицу.

– Похоже, мы на улице Аметиуса, – сообщил он Карадурру. – Я вижу нескольких прохожих. Эй, юноша, подойди сюда! Вот ты, в красной шляпе! Хочешь заработать золотой пенембийский реал? Тогда передай послание!

Парнишка поспешил прочь. Джориан пытался привлечь внимание других пешеходов. В конце концов он оставил попытки.

– Должно быть, они так привыкли к крикам заключенных, что не обращают на них внимания.

Из-за прутьев раздался хриплый смех. Там стоял Мальго.

– Не трать силы зря, благородный Джориан! – сказал он. – Знай, что специальный закон запрещает передавать послания заключенных, и мы поставили часового, чтобы никто не нарушал приказ!

Джориан слез с табурета. Когда Мальго ушел, он пробормотал:

– Но нам все равно нужно что-то делать. – Он нахмурил-

ся, задумавшись, и наконец сказал: – Мне говорили, что у меня неплохой голос, хотя и нетренированный. Если я буду каждый день в один и тот же час устраивать небольшой концерт для прохожих, возможно, мне удастся собрать аудиторию постоянных слушателей, и рано или поздно слухи о необычном артисте дойдут до наших друзей.

– Не вижу, чем нам может повредить такая попытка, – одобрил Карадур.

Джориан снова встал на табурет и густым басом начал петь одно из своих стихотворений на мелодию из оперетты Галибена и Сильферио. Первая строфа гласила:

Одним по нраву дикий лес,
Где кроны гасят блеск небес,
А от жары струится пот.
Но мне милей его красот
Новария, родная Новария...

К концу третьей строфы на улице под окном собралась кучка пешеходов, слушавших пение.

Мальго, появившись за решеткой, заорал:

– Прекрати этот адский шум!

Джориан через плечо улыбнулся приставу и исполнил все шесть уже сочиненных строф. К ним он добавил новую:

Есть те, кто любит снег и лед
Суровых северных широт.

Но зимней ночи холода
Мне не заменят никогда
Новарии, милой Новарии.

Мальго продолжал рычать и грозить карами, но в камеру не входил. Джориан спел еще несколько песен, затем слез с табурета.

– Это для начала, – сказал он.

Остаток дня и большую часть ночи он провел, вспоминая стихи, которые сочинял в течение многих лет, не придавая им особого значения, и пытался подобрать к ним известные ему мелодии. На следующий полдень, примерно в то же самое время, он устроил очередное представление.

Мальго вопил:

– Ну, смотри! Теперь тебе никогда отсюда не выйти! Ты сгниешь здесь! Уж я-то позабочусь!

Джориан, не обращая внимания на угрозы, продолжал петь. На шестой день после начала его выступлений появился помощник пристава с ключами. К удивлению Джориана, юнец отпер камеру и сказал:

– Выходите.

Их привели к судье Флолло, разговаривающему с доктором Гвидериусом. Сквозь лохматую седую бороду профессора светилась улыбка.

– Джориан! Мой бывший ученик! Когда я услышал твои стихи, я сразу заподозрил, что их автор – ты, ведь это была

твоя излюбленная манера рифмовки.

Ты свободен, и вот твое имущество. Кто твой спутник?

Джориан представил Карадура, добавив:

– Но что... как?..

– Расскажу потом. Тебе есть где остановиться? Я не могу пригласить тебя к себе, поскольку сейчас у нас гостят родственники.

Джориан пожал плечами:

– Наверное, остановлюсь в таверне Рюйса «Серебряный дракон», как и прежде. – Он спросил у судьи: – Сэр, а где мастер Мальго?

– Когда доктор Гвидериус принес приказ о вашем освобождении, пристава внезапно охватил приступ боли. Утверждая, что страдает от желудочных колик, он попросил отпустить его со службы. И я позволил ему уйти. А что такое, мастер Джориан?

Джориан взглянул на свой сжатый кулак:

– Мне просто хотелось попрощаться с ним, поблагодарить за хорошее обращение... Где тут есть общественные бани? – спросил он у Гвидериуса.

3

Таверна «Серебряный дракон»

Джориан сказал:

– Добрый мастер Рюйс, я тоже рад вновь видеть вас. Надеюсь, ваш обед будет приятным контрастом по сравнению с той бурдой, которой меня кормили как гостя великого герцогства.

– Слышал о ваших неприятностях с лесничими парка, – кивнул Рюйс. Владелец «Серебряного дракона» был маленьким, нездорового вида человеком с реддеющими седыми волосами и мешками под глазами.

Джориан, Карадур и доктор Гвидериус заняли стол в общем зале таверны, и в ожидании обеда путешественники потягивали вино и рассказывали о своих приключениях. Джориан послал одного из мальчишек Рюйса с запиской к волшебнице Гоании, с которой он познакомился во время своего предыдущего визита в Оттомань. Гвидериусу же он сказал:

– Однако, доктор, вы не объяснили, как вам удалось вытащить меня из этой ямы.

Ученый усмехнулся:

– У меня есть кузен по имени Родаус, ростовщик по профессии. Он был мне обязан за то, что я засчитал его сын-

ку-тупице экзамен по моему предмету в Академии. Его же незаконнорожденное высочество хотел взять в долг у Родауса, но они никак не могли договориться о процентах.

– Вероятно, ему нужны деньги на бронированную кавалерию? – сказал Джориан.

В государстве Оттомань великий герцог занимался гражданскими делами, а его незаконнорожденное высочество, самый старший из побочных сыновей предыдущего великого герцога, командовал армией.

– Без сомнения. Короче говоря, я рассказал о тебе Родаусу, заверив его, что достаточно хорошо тебя знаю и уверен, что твое освобождение не будет несправедливым. Поэтому Родаус в обмен на обещание снять против вас все обвинения дал благородному Даунасу в долг под процент на полпункта ниже, чем он назначил первоначально.

Кивнув в сторону Карадура, Джориан улыбнулся:

– Мой старый добрый наставник уверен, что все решения должны приниматься на основании абстрактного, безличного понятия добра и зла. Но я заметил, что в отчаянных ситуациях он руководствуется целесообразностью так же, как и мы, простые люди. – Он пересчитал деньги в кошельке. – Клянусь бронзовой задницей Имбала, они забыли вычесть стоимость нашего содержания в тюрьме!

– Не забыли, – возразил Гвидериус. – Это входило в сделку.

Джориан рассыпался в благодарностях ученому, но тут

дверь таверны отворилась и появилась волшебница Гоания, высокая женщина средних лет, с сединой в волосах. За ней шел телохранитель, огромный детина со свинными глазами. Его сопровождала высокая темноволосая молодая женщина в зеленом платье. Она не была красивой, но внешность ее запоминалась надолго. Неправильные черты ее лица носили отпечаток превратностей судьбы, один глаз был подбит.

Джориан встал.

– Привет вам, госпожа Гоания! – поздоровался он. – Ах, кого я вижу! Босо и Ванора! Как поживаете?

Детина что-то угрюмо пробурчал себе под нос. Молодая женщина воскликнула:

– Джориан! Как я рада тебя видеть! – Она бросилась к Джориану и обняла его, что явно не доставило ему большой радости.

Два года назад, сразу после бегства из Ксилара, у него случился короткий и бурный роман с Ванорой, которая затем стала любовницей свиноголазого Босо, сына Трийса.

Ванора с Босо уселись за маленький столик в другом конце зала.

– А теперь, Джориан, – сказала Гоания, дочь Аристора, тоном тетушки, отчитывающей непутевого племянника, – садись и рассказывай. Что это за безумные сказки о том, как ты прикатил в герцогский парк в ванне на колесах и убил единорога-медалиста?

Джориан засмеялся:

– Все совсем не так, хотя наши истинные приключения были не менее причудливыми.

И он пустился в рассказ о своем бегстве из Ираза в ванне, управляемой демоном, о неудачной попытке похитить Эстрильдис и вынужденной посадке в парке. Когда он рассказал о пребывании в тюрьме, Гвидериус воскликнул:

– Джориан, я потрясен! Ведь у нас проводилась реформа по улучшению содержания узников; я лично входил в комитет, выработавший рекомендации для великого герцога. Но, как я вижу, все вернулось в старую колею. По правде говоря, личности вроде этого пристава редко отличаются благородным характером, но мы не можем позволить такого обращения с человеком, даже не представшим перед судом! Придется передать слово-другое его милости.

Джориан секунду подумал и сказал:

– Спасибо, доктор, но лучше оставить все как есть. Если я встречу с Мальго наедине, то постараюсь отлупить его. Чем меньше меня связывает с герцогским судом, тем лучше. Кому-нибудь может прийти в голову идея продать меня ксиларскому регентству, чтобы на вырученные деньги вооружить еще один эскадрон уланов.

Рюйс принес им заказанный обед.

Утолив первый голод, Джориан произнес:

– Давайте подумаем, как мне вытащить малютку Эстрильдис из позолоченной клетки. Я не могу нанять армию для осады города, а наша летающая ванна больше ни на что не

годится. Какие еще бывают летающие предметы?

– Ну что ж, – сказал Карадур, – есть, например, летающая метла сэра Фендикса, ручной дракон Антонериуса и заклинания Келя, которыми он превращает себя в грифа. Но у всех них имеются недостатки. Фендикс дважды был на краю гибели, когда его метла выходила из-под управления; она подвержена «штопору», как он это называет. Дракон Антонериуса приручен только наполовину и в любой момент может проглотить своего хозяина. А про Келя говорили, что в обмен на заклинание, придающее ему тело птицы, он продал свою душу в тысячелетнее рабство в Третьей реальности. Нет, новое нападение с воздуха едва ли возможно. Кроме того, теперь ксиларцы выставят часовых на крыше.

– Тогда я один не справлюсь, – сказал Джориан. – Интересно...

Гоания перебила его:

– Мне кажется вероятным, что ксиларцы, опасаясь нового воздушного налета, переведут твою супругу в менее доступное место.

Джориан проворчал:

– Вы, как всегда, говорите разумно, дорогая тетушка. Но как нам узнать наверняка?

– Это по моей части, – сказала волшебница. – Стол чистый? Хорошо. Сейчас я проникну в ксиларский дворец. Эй, ты! – окликнула она мальчика-слугу. – Принеси мне чистое полотенце!

Полотенцем она вытерла свой бокал из-под вина и высыпала в него щепотку зеленого порошка. Затем пробормотала заклинание, после чего порошок вспыхнул и из бокала поднялось облако фиолетового дыма.

– Не разбейте бокал Рюйса! – предостерег Джориан. – Он им очень гордится!

– Тихо, мальчик! – Она наклонилась над бокалом и вдохнула дым. Несколько секунд она сидела с закрытыми глазами, затем начала бормотать: – Темно... нет, я вижу свет, желтый свет... свет масляной лампы... Я в подземном помещении... вижу дверь с железной решеткой. Стены сделаны из грубого камня, как в темнице... Но на стенах вешалки, на полу лежит ковер, как будто камеру постарались обставить поудобнее... Вижу маленькую светловолосую женщину, сидящую за туалетным столиком... Она шьет. Сцена расплывается, как будто какая-то сила отталкивает мой взгляд. Все!

Она глубоко вздохнула и открыла глаза.

Джориан сказал:

– Кажется, я знаю, где она, – в самой большой камере нашей темницы. Но как мне туда пробраться?

– Секретных проходов в твоём дворце нет? – спросил Гвидериус. – В старину они имелись во многих замках и дворцах, чтобы властитель мог спастись, если твердыню захватят враги.

– Нет, – покачал головой Джориан. – Я исследовал дворец, когда был королем, поскольку подобный тайный ход дал бы

мне возможность спастись от ритуальной казни. Но, хотя я обшарил нижние этажи дворца, обстучал все стены и осмотрел старые планы здания, мне не удалось найти ни единого секретного прохода. Просить ксиларцев прорыть мне такой ход было бесполезно, поскольку они прикладывали все усилия, чтобы помешать моему бегству.

– Нельзя ли прорыть ход снаружи и инструментами пробить стену камеры? – спросила Гоания.

– Едва ли. Подкоп придется начинать за пределами города или снять дом в городе, углубиться через пол в землю и рыть туннель горизонтально до самого дворца. Такая задача займет много месяцев, и я сомневаюсь, что меня за это время не опознают. Кроме того, надо будет как-то избавляться от вырытой земли, не возбуждая подозрений. Поскольку город Ксилар построен на мягком, наносном грунте, в туннеле придется устанавливать деревянные подпорки, чтобы он не обрушился на голову.

Кроме того, как узнать наверняка, что подкоп идет именно к той камере, какая нам нужна? Малейшая ошибка в расчетах – и мы попадем не к Эстрильдис, а в арсенал или в казну. Поднятый шум привлечет внимание стражей.

Наконец, если только шпионская сеть Ксилара со времени моего правления не пришла в упадок, о любой подобной попытке скоро станет известно Регентскому совету. А тогда... – Джориан резко провел ребром ладони по горлу.

– Что же предпринять? – спросил Карадур.

– Поскольку ксиларцы перерезали все пути для прямого нападения, полагаю, мы должны обратиться к магии. Что могут предложить наши знатоки оккультных наук?

Гоания и Карадур обменялись взглядами. Волшебница сказала:

– Я в гораздо большей степени ясновидящая, нежели заклинатель или чародей. Увы, у меня нет средств вызволить твою любимую из подземной камеры.

– Не можешь ли ты, – спросил Джориан Карадура, – как-нибудь вызвать Горакса из Пятой реальности?

– Нет, сын мой. Мои колдовские силы сильно ограничены. Я подчинил себе Горакса с помощью коллеги, доктора Вальдониуса, с которым ты встречался в Тарксии. Я спас Вальдониуса от магической опасности, и в благодарность он вызвал Горакса и передал его мне, заточив демона в этом кольце.

– А как насчет других демонов?

Карадур пожал плечами:

– Нет, это не моя специальность.

Джориан проворчал:

– Двое великих специалистов в магии оказались бессильны мне помочь. Не знаете ли вы того, к кому можно обратиться с подобной просьбой?

Гвидериус сказал:

– Тебе мог бы помочь один из моих ученых коллег по Академии, доктор Абакарус.

– В какой области он специализируется?

– Он – профессор оккультной философии и, насколько мне известно, занимается магическими экспериментами на стороне. Если хочешь, я познакомлю тебя с ним.

– Спасибо, очень хочу, – сказал Джориан. – Чем раньше, тем лучше.

Карадур зевнул:

– Простите меня, господа, что прерываю такой приятный вечер, но старый человек быстро устает. Я удаляюсь, а вы продолжайте веселиться...

– Карадур! – сказала Гоания. – Ты не будешь здесь ночевать. Я хочу обсудить с тобой новый способ астральной проекции, и ты проведешь ночь у меня дома.

Джориан подал голос:

– Что ж, госпожа Гоания, если вы забираете доктора Карадура...

– Я не могу одновременно дать пристанище и вам, сударь, – ответила она резко. – Во-первых, у меня дома мало места; во-вторых, доктор не составит угрозу моей репутации, в отличие от похотливого юнца вроде тебя. Пойдем, Карадур. Идемте, Босо и Ванора. Всем спокойной ночи!

И она удалилась в сопровождении своей свиты. Гвидериус вскоре тоже покинул Джориана.

Джориан как раз снимал башмаки, когда в дверь постучали.

– Кто там? – спросил он.

– Я, Ванора! Позволь мне войти!

Джориан открыл дверь.

Ванора, войдя, сказала:

– Ох, Джориан, как я рада снова тебя видеть! Какой дурой я была, что бросила тебя, когда ты был моим!

– Кто тебе подбил глаз? – поинтересовался Джориан.

– Босо. Мы сегодня утром поссорились.

– Ублюдок! Хочешь, я дам ему сдачи?

– Нет. Пока я с ним живу, приходится время от времени терпеть его взбучки.

– За что же он тебя так?

– По правде говоря, вина лежит не только на нем – я сама его спровоцировала.

Джориану лично приходилось испытывать подобные провокации со стороны Ваноры, поэтому он не удивился и даже почувствовал крупницу сочувствия к Босо.

– Как тебе удалось улизнуть?

– Босо спит, а моя хозяйка и твой мальванский заклинатель были так поглощены магическими разговорами, что не заметили моего исчезновения. – В ее глазах стояло то выражение мольбы, которое было хорошо известно Джориану. – Ты знаешь, какая нынче ночь?

Джориан нахмурился:

– Кажется, последний день месяца Медведя?

– Да. Но неужели это ничего для тебя не значит?

Джориан был озадачен:

– Да нет, ничего особенного. Так в чем дело?

– Ровно два года назад мы расстались в Оттомани, когда я связалась с мерзавцем Босо.

– Верно, но что с того?

Она подвинулась поближе:

– Ты не позволишь бедной потаскушке исправить свою ошибку? – Она схватила руку Джориана и запикнула ее в вырез платья, прижав к своей правой груди, одновременно глядя на него, чуть приоткрыв рот.

Джориан ощутил знакомое шевеление в штанах, но сказал:

– Моя дорогая Ванора, все это осталось в прошлом. – И он отнял руку, несмотря на то что его пульс участился. – Я больше не играю в эти игры, пока не верну себе жену.

– Ну неужели?! С каких пор ты стал святым анахоретом? Два года назад ты не страдал от недостатка похоти, а дряхлеть в твоём возрасте рано. Сядь!

Ванора неожиданно толкнула его так, что он уселся на край кровати.

Тогда она расстегнула пряжку, отчего изумрудно-зеленое платье съехало по ее ногам на пол, уселась Джориану на колени и принялась целовать и ласкать его, приговаривая:

– Тогда ты был самым пылким из моих любовников, прочный, как лезвие меча, и твердый, как гора Аравия. Ох, моя единственная любовь, позволь мне снова стать твоей! Два года я жаждала ощутить твою любовь, чувствовать, как про-

никает...

– Убирайся! – резко приказал Джориан. Он понимал, что еще мгновение – и все его самые лучшие намерения окажутся выброшенными на ветер, в то время как Ванора не принесет ему ничего, кроме неприятностей. Как сказала ему однажды Гоания, Ванора обладала несчастливым талантом портить жизнь не только себе, но и всем, кто ее окружает. – Если ты не встанешь с моих колен, то встану я и свалю тебя на пол!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.